

Сквозь брызги крови Ли Шиминь, крепко вцепившись в Тань Ци, упрямо бежал вперёд.

На бегу он тщетно пытался справиться с потрясением. В какую, к чертям, эпоху он угодил? Откуда у каждого простого ратника эти чародейские замашки? Да и само это тело... на что оно способно? Ладно, некогда размышлять. Главное — поскорее убраться из этого пекла.

Тань Ци, отродясь не видевший подобного побоища, совсем потерял голову. Он едва понимал, где находится, и переставлял ноги лишь потому, что его упрямо тащил за собой Ли Шиминь.

Мечущаяся толпа мало-помалу разделилась на два лагеря. Нападавшие щеголяли воронёными доспехами и чистой сталью клинков — они явно шли на штурм во всеоружии. Их противники были облачены в тёмное золото. Дорогая броня сидела на них как влитая, и воевали они под стать своим доспехам: держали строй, отступали слаженно и почти не несли потерь. Заметив в суматохе Ли Шиминя и Тань Ци, воины в золотом мгновенно перестроились, укрывая чужаков за своими щитами.

Когда улеглась первая кутерьма, Ли Шиминь наконец смог вздохнуть свободнее. Чёрные мундиры преследователей скрылись из виду, а рядом с ними осталось лишь полтора десятка израненных бойцов в помятых золотых латах.

— Канцлер решился на измену... — заговорил один из ратников, судя по всему, пользовавшийся среди уцелевших немалым авторитетом. На командира он не походил, но подчинялись ему беспрекословно. — Тварь, предал доверие государя! Откуда только у этой собаки столько преданных мечей? Нельзя медлить, нужно прорываться к лагерю, слать дозоры во все стороны и выручать принцессу.

Он повернулся к Ли Шиминю и Тань Ци и почтительно поклонился, сложив ладони:

— Премного благодарен вам, достопочтенные мастера, за подмогу.

Сам он был поджарым и сухопарым, руки казались тонкими, но в них он уверенно держал тяжеленный палаш шириной чуть ли не в ладонь. С резкими надбровными дугами и двумя уродливыми шрамами на щеке он выглядел как разбойник.

— Кхэ... — Тань Ци согнулся у дерева, и его шумно вывернуло наизнанку.

Бойцы покосились на него со смесью жалости и глухого презрения.

«Совсем зелёный, — подумал Ли Шиминь, глядя на несчастного парня. — Похоже, это его первое крещение кровью».

Воин сухо кашлянул, отводя взгляд от тошнотворной сцены, и обратился к Ли Шиминю:

— Вы оба держитесь с редким благородством. Верно, из мастеров семьи Цинь будете? Как нам величать своих спасителей?

Ли Шиминь мимолётно глянул на Тань Ци и ответил вопросом на вопрос:

— А вы сами чьих будете?

— А, мы... — Мужчина простодушно ухмыльнулся и поскрёб затылок. — Фэн Цуньчжи моё имя. Служу в личной охране принцессы Чандин.

— Вот оно как, значит, начальник стражи Фэн, — кивнул Ли Шиминь. — Моя фамилия Цинь, а его — Тань.

Фэн Цуньчжи, будучи человеком простым и прямым, тут же почтительно поклонился:

— Моё почтение, господин Цинь, господин Тань.

«Бессмертный мастер, надо же», — мысленно хмыкнул Ли Шиминь.

Опыт был на редкость любопытным, но стоило ему вспомнить, где они находятся, как всё веселье испарилось, точно ушат ледяной воды на голову вылили. Он мгновенно посерьёзшел.

— Послушай, Фэн, а сколько у вас людей в лагере осталось? — спросил он со знанием дела.

Тот сначала опешил, а потом нехотя буркнул:

— Горстка. Восемь сотен всего. — Но тут же приосанился и отчеканил: — Её Высочество пропала без вести, и мы костями ляжем, но вытащим её. Живыми или мёртвыми — мы пойдём первыми!

— Восемь сотен? — Ли Шиминь прищурился и вдруг весело, хищно осклабился. — Да это же целая орда! Более чем достаточно.

Кому, как не ему, знать цену восьми сотням преданных мечей? Разве не его восемьсот всадников когда-то рассеяли десятитысячную рать в походе на Когурё? Разве не он в битве у заставы Хулао лично вёл пять сотен безумцев на разведку боем прямо под нос врагу?

— Чего достаточно? — недоумевающе моргнул Фэн Цуньчжи.

Ли Шиминь по-хозяйски приобнял его за плечи:

— Говоришь, канцлер взбунтовался? Не вешай нос, служивый. Раз уж я здесь...

Он осёкся, но в его голосе прозвучало нечто такое, отчего Фэн Цуньчжи всё понял без лишних слов.

Фэн Цуньчжи уставился на стоявшего рядом юношу с глазами-угольями. Ему хотелось крикнуть: «Да ты вообще кто такой, щенок? Сам глава клана Цинь не решился бы так бахвалиться, а ты куда лезешь?»

Но стоило ему наткнуться на дерзкую, уверенную улыбку Ли Шиминя, как все возражения застряли в горле. В голове сама собой всплыла старая истина: «Кто устоит перед ним?»

При виде взметнувшегося боевого знамени с великим иероглифом «Цянь» у Цай Биня на миг перехватило дыхание.

Удивило его вовсе не то, что люди принцессы Чандин смогли отыскать это место. Сигнальные ракеты, которыми он созывал своих прихвостней, полыхали на полнеба — не заметить их мог разве что слепой.

Цай Биня до глубины души поразил тот, кто скакал во главе отряда.

Черные одежды с вышитыми узорами Черной Птицы выдавали в наезднике отпрыска великого клана Цинь. Когда на его пути впервые возникли Шэнь Цинчжоу и Цинь Сыминь, канцлер сразу понял, что Дунфан Цзе заручилась поддержкой Пэнлая. Но поддержка эта виделась ему пустяковой: ни патриарх, ни старейшины не соизволили явиться лично. Должно быть, какой-то захудалый наставник вывез недорослей на прогулку, да случайно ввязался в драку.

Ещё час назад Цай Бинь лишь сокрушённо вздохнул бы для виду: мол, не обессудьте, господа хорошие, сами под горячую руку подвернулись.

Но теперь ему было не до смеха.

Вглядевшись в ясный, глубокий взгляд Цинь Тяньцэ, он почувствовал, как к горлу подступает ледяной ком. Канцлер вздрогнул, его глаза налились багровыми прожилками, а сам он застыл в дикой смеси ярости и тщательно скрываемого испуга.

На краткий миг ему показалось, будто перед ним предстал сам покойный государь Великого Цянь, Дунфан Юй. Да нет, вздор! Даже от покойного монарха никогда не исходило столь подавляющей волю мощи!

Когда же затворники Пэнлая успели взрастить столь величавого мужа, наделённого статью истинного владыки?

Но раздумывать было некогда. Наездник вскинул лук. Тетива звеняще запела, и стрела сорвалась с места, точно падающая звезда. Она с яростным свистом прочертила небосвод, и Цай Бинь почти физически ощутил, как ледяное жало духовной энергии нацелилось ему прямо в лоб.

— Ха! — рявкнул Цай Бинь.

Он неестественно раздался в плечах, ощутил чудовищную силу в мышцах, а по коже расползлись уродливые, сочащиеся тьмой письмена.

Прямо перед его лицом закружился бездонный вихрь, искажая и дробя сам воздух. Словно пасть прожорливой твари из бездны, он в одно мгновение поглотил летящую стрелу Цинь Тяньцэ.

Стрела, способная расколоть утёс, сгинула без следа, не подняв даже лёгкой ряби в этой черноте. Цинь Тяньцэ лишь удивлённо изогнул бровь, но ни досады, ни растерянности на его лице не появилось.

Он сделал короткий жест рукой, передавая командование Фэн Цуньчжи, а сам отступил назад, скрывшись за глухими щитами закованных в броню гвардейцев.

Тем временем на другом краю поля боя Шэнь Цинчжоу и Таоте застыли в шатком равновесии.

Выместив ярость на ни в чём не повинных деревьях, древний монстр наконец понемногу остыл. Он тяжело, со свистом дышал, буравя Шэнь Цинчжоу налитыми кровью глазами.

— Да кто ты, демоны тебя дери, такой?! — хрипло выплюнул чудовищный зверь.

В его напускной грозности Шэнь Цинчжоу, к собственному удивлению, расслышал фальшивые нотки. Зверь попросту трусил.

— А ну пошёл назад! — оборвала его Дунфан Цзе.

Она высоко занесла костяную колотушку над барабаном, удерживая её на весу в качестве веского предупреждения.

С принцессой чудовище церемониться не стало. Таоте презрительно сплюнул:

— Цыц, девка! Хватит размахивать этой погремушкой. Твоя кадушка — всего лишь жалкая копия барабана Куйню. А колотушка из чего? Из носорожьего рога? Глупая девка, обычная кость не выдержит такой мощи! Твоё оружие вот-вот рассыплется в прах. Ну и сколько раз ты ещё ударишь? Два? Или всего один?

— Свободной руки хватит, — холодно отрезала Дунфан Цзе. — Если сломается рог, я буду бить кулаком. Угадай, сколько раз я смогу ударить, прежде чем лишусь сил?

Она стояла перед ним не шелохнувшись, спокойная и непоколебимая. Насмешки Таоте отскакивали от неё, как стрелы от каменной стены.

— Глупая, самонадеянная девка, — покачал головой Таоте, и в его голосе прозвучало странное сожаление. — Впрочем... живи ты тысячи три лет назад, ты бы ему точно пришлась по душе.

«Ему?» — Дунфан Цзе не стала гадать, о ком толкует чудовище. Она сделала несколько шагов вперёд, встав плечом к плечу с Шэнь Цинчжоу.

— С вашей силой вам открыты все пути под этим небом, — твёрдо произнесла она. — Зачем же марать руки о предательство Цай Биня и объявлять войну Великому Цянь?

— Сражаться с Великим Цянь? Провались пропадом ваша ничтожная династия, сдалась она мне, — Таоте не сводил голодного взгляда с маленького кожаного барабана, едва сдерживаясь, чтобы не вырвать его силой. — Барабан Куйню... Сколько же веков пролетело с нашей последней встречи.

Он говорил так, словно тосковал по ушедшей эпохе, но в его полыхающих глазах читалась лишь первобытная ненависть, под которой, точно под коркой льда, угадывалась застарелая печаль.

— Позарился на барабан Куйню? — Дунфан Цзе грозно прищурилась. — Сперва заслужи это право!

Она не колебалась ни мгновения. Она резко опустила руку.

Дон-н-н!

Над полем брани пронёсся третий, сокрушительный удар.

Первый рокот барабана Куйню бьёт на пятьсот ли кругом, а непрерывный гул катится на все три тысячи восемьсот.

Казалось, весь этот мир послушно сжался и ушёл под натянутую шкуру барабана. Стоило кости

коснуться кожи, как содрогнулись сами небеса.

Все присутствующие разом содрогнулись от невыносимой боли. Гулкий, низкий рокот проник под рёбра, в самую глубину душ, стремясь перемолоть разум и волю в мелкую труху.

Под этим натиском Шэнь Цинчжоу побелел как полотно, кожа отливала мертвенной синевой, делая его похожим на статую из холодного нефрита.

Он успел запечатать слух духовными силами, однако мощь этого оружия была напрямую по разуму, минуя уши. Не прикрой его душу верный Меч, Влекущий Тень, Шэнь Цинчжоу захлебнулся бы собственной кровью.

Су Пинь и остальные успели выставить щиты, к тому же Дунфан Цзе сознательно направила удар в обход союзников. Теперь они со злорадным торжеством наблюдали за тем, как сокрушительный гул косит вражеские ряды.

Главный удар пришёлся на Таоте и Цай Биня. Но древний монстр, даже ослабленный веками изгнания, оставался грозной силой. Он лишь небрежно прикрыл лапой уши и сморщил морду от отвращения.

Больше сокрушительная волна никак на него не повлияла.

Цай Бинь, тоже бывший не из робкого десятка, лишь глухо застонал. Клубящийся вокруг него чёрный туман полыхнул яростнее, развеивая остатки звуковой волны.

И если для этой парочки грозный гул остался почти незамеченным, то для простого люда он обернулся чистым кошмаром.

Там, где прокатилась невидимая волна, воины в чёрных доспехах валились наземь скошенной пшеницей. Получая страшный удар прямо в грудь, они теряли рассудок от боли, слепли и падали без чувств.

Эхо уходило всё дальше в лесную глушь, мало-помалу теряя былую ярость, но даже этих остатков мощи хватало, чтобы выжечь душу любому простому смертному.

Лю Бэй благоразумно отступил в тень. Пускай призрачная плоть не так чутко реагировала на подобные удары, получить на орехи от собственных союзников было бы верхом нелепости.

Смертоносный гул ещё вибрировал в воздухе, когда костяной рог в ладони Дунфан Цзе с громким сухим треском лопнул, разлетевшись на тысячи мелких осколков.

Наследница престола покачнулась. Её лицо осунулось, но она заставила себя сглотнуть

набежавшую к горлу солоноватую кровь.

— Тьфу, скукотища какая! — Таоте разочарованно поскрёб когтями лоб. — Я-то думал, вы за столько веков хоть чему-то научились, а у вас всё те же старые фокусы. Жалкое зрелище.

Он пренебрежительно отряхнул ладони, будто измазался в нечистотах, и вперил в Шэнь Цинчжоу ядовитый взор.

— Надо же, ты всё ещё здесь? — хмыкнул Таоте. — Даже не попытался удрать под шумок? Удивительно.

— Моё дело — карать мятежников, — ровным голосом ответил Шэнь Цинчжоу. — Бежать суждено изменникам. Мне отступать незачем.

Таоте вытянул кривой палец, покачал им перед носом Шэнь Цинчжоу, а затем ткнул себя в грудь:

— Послушай, букашка... Ты хоть понимаешь, с кем разговариваешь?

— Мы с тобой не пили на брудершафт, с чего бы мне знать твоё имя? — хладнокровно парировал Шэнь Цинчжоу.

Услышав это, Таоте остолбенел. Он искажился в гримасе от целой гаммы противоречивых чувств. Он приоткрыл было пасть, словно хотел высказать всё, что накопилось, но передумал и промолчал.

— Что ж... Дай-ка подумать. Дай припомнить... Ну и ну, малец, ты...

Договорить он не успел. Пространство со свистом сжалось, и Таоте вихрем налетел на Шэнь Цинчжоу. Он стальным капканом сжал плечо юноши.

Его скорость превосходила всякое воображение. Сначала Шэнь Цинчжоу ожгло острой болью, и лишь мгновением позже он увидел безумную, искажённую первобытной яростью морду зверя прямо перед собой.

Монстр скалился, глядя на него с ледяной, смертоносной пронзительностью.

Шэнь Цинчжоу инстинктивно вскинул локоть, пытаясь ударить зверя под дых, но это было всё равно что бить по каменной скале. Монстр даже не покачнулся, а вот у юноши от отдачи мгновенно отнялась вся правая половина тела.

— Господин Шэнь! — испуганно вскрикнула Дунфан Цзе.

Обратившись золотистым росчерком, она в один прыжок преодолела разделявшее их расстояние и обрушила удар на монстра.

Но Таоте лишь досадливо отмахнулся, рявкнув: «Брысь!». Поднявшийся ураган подхватил Дунфан Цзе и швырнул назад. Она кубарем полетела в бурелом, с треском ломая ветви.

Удар оказался страшен. Даже если принцесса осталась жива, подняться на ноги в ближайшие минуты ей было не суждено.

Таоте глумливо осклабился и прижал тяжёлую, горячую ладонь прямо к межбровью обездвиженного юноши.

Шэнь Цинчжоу оцепенел. Не то чтобы он смирился со смертью — чудовищная воля монстра парализовала его, лишив возможности сделать хотя бы вдох.

Будто чья-то невидимая когтистая лапа разворотила его черепную коробку и залезла в самые глубины души, грубо, безжалостно перерывая мысли и воспоминания. Нападавшего несколько не волновало, что этот пыточный приём может навсегда лишить юношу разума.

Запретная техника — Обыск Души!

— Ну же, поглядим, из какого болота ты вылез, тварь! И как ты посмел явиться в обличье...

Хруст.

Сухой, едва слышный щелчок расколовшегося камня показался бы человеку пустяком, но древний монстр мгновенно уловил его на слух.

— Что у тебя за пазухой, паршивец?! — прорычал Таоте, и его когти до крови впились в плечо Шэнь Цинчжоу.

Как ни странно, перед лицом смертельной опасности разум Шэнь Цинчжоу работал на удивление чётко. Напрягая последние силы, он мгновенно догадался, в чём дело.

Древняя Нефритовая Книга Гор и Морей... Она разбилась. Опять.